

П. Миф

Борьба пролетариата
за ГЕГЕМОНИЮ
в колониальной революции

1934

П. Миф

Борьба пролетариата
за гегемонию
в колониальной революции

Большевик, 1934, № 19—20, стр. 84—95.

Гегемония пролетариата—решающая предпосылка успешности революционно-освободительной борьбы грядущих масс колониальных и полуколониальных стран. Так как колониальные революции входят составной частью в общий процесс мировой пролетарской революции, вопрос о гегемонии пролетариата в колониальной революции неразрывно связан с борьбой за социализм во *всем* мире.

Конкретный ход национально-освободительных движений в послеоктябрьский период целиком подтверждает первостепенное значение вопроса о гегемонии пролетариата. Опыт этих движений показывает историческую невозможность под главенством буржуазии или мелкой буржуазии добиться самостоятельного экономического развития колоний и их полной экономической и государственной независимости. Вот почему VI конгресс КИ указывал, что «гегемония пролетариата — основная стратегическая цель коммунистического движения при буржуазно-демократической революции».

Прежде всего — об условиях, в которых шла борьба пролетариата за гегемонию в национально-освободительных движениях.

Мировой экономический кризис и связанная с ним возросшая агрессия империалистической буржуазии, перекладывающей а известной мере тяготы кризиса на плечи трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран, привели в этих странах: 1) к глубочайшему потрясению всех основ колониальной

экономики, 2) к жесточайшему наступлению иностранных и туземных капиталистов на жизненный уровень рабочего класса, к массовой безработице; 3) к эксплуатации, разорению и чудовищному обнищанию миллионов колониальных производителей—крестьян и ремесленников; 4) к обострению противоречий между некоторыми слоями колониальной буржуазии и буржуазией метрополий, хотя преобладающей остается тенденция к достижению сотрудничества, к капитуляции колониальной буржуазии перед иностранным капиталом, 5) к возрастанию роли колоний как источника конфликтов между империалистами, как объекта новой мировой войны за передел колониальных рынков.

Переход к депрессии особого рода в странах развитого капитализма не принес существенных изменений в экономическом положении колониальных и полуколониальных стран, ибо переход к депрессии в передовых капиталистических странах в большой мере произошел за счет ограбления, усиления эксплуатации колониальных и полуколониальных стран. Это усиливает затяжной характер кризиса в колониальных и полуколониальных странах. Поэтому, несмотря на некоторое улучшение в отдельных странах и в отдельных отраслях хозяйства, в общем теперешнее состояние экономики колониальных и полуколониальных стран не дает оснований для вывода, что переход к депрессии особого рода в империалистических метрополиях совершается в адекватных формах и в колониальных и

полуколониальных странах — процесс здесь значительно сложнее. Более того, в этих странах продолжает углубляться аграрный кризис, и, поскольку сельское хозяйство играет в колониях доминирующую роль, это не может не определять общего состояния экономики этих стран.

Если бесчеловечная эксплуатация трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран порождала и раньше борьбу против угнетателей, понятно, что в теперешних условиях эта борьба не может не разгораться еще сильнее. Действительно, последние годы принесли новые доказательства^ усиления революционной борьбы трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран.

Полностью подтвердились указания VI конгресса о возросшем значении колоний и полуколоний как факторов кризиса мировой империалистической системы и о том, что «гигантский мир колоний и полуколоний превратился в неугасимый очаг революционного массового движения». За годы, истекшие со времени VI конгресса, знаменательные победы одержаны советской революцией в *Китае*; массовые вооруженные антиимпериалистические выступления имели место в *Индо-Китае*; мощный размах приобрело освободительное движение в странах *Южной и Центральной Америки*, особенно на *Кубе*; в *Корее* прокатилась знаменитая гензанская стачка; не меньшее значение имела стачка нефтяников в *Персии* и т. д.

Уже один этот перечень революционных событий последних лет достаточно красноречиво свидетельствует о растущем возмущении трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран. Но нужно отметить не только расширение фронта антиимпериалистической борьбы, но и классовые сдвиги, происшедшие внутри революционного лагеря. Какими же новыми явлениями характеризуется революционно-освободительное движение колониальных и полуколониальных стран за последние годы?

Новым является то, что пролетариат добивается все больших успехов в *завоевании гегемонии* в национально-освободительных движениях. Прежняя безраздельная гегемония буржуазии, характеризовавшая национально-освободительное движение в первые годы после войны, уступает место — и чем дальше, тем в большей мере — гегемонии рабочего класса, выступающего застрельщиком в борьбе за национальное и социальное освобождение трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран. Прочно завоевана гегемония пролетариата в Китае. В Индо-Китае в момент наивысшего подъема борьбы, в 1930—1931 гг., компартия выступила вождем всего антиимпериалистического и антифеодального движения. Все успешнее оспаривает гегемонию у национальной буржуазии индийский пролетариат.

Отмеченные нами успехи борьбы пролетариата за гегемонию находят свое выражение *и в росте*

коммунистических партий в колониальных и полуколониальных странах. Нет необходимости подчеркивать все значение этого обстоятельства. Завоевание гегемонии пролетариатом немислимо без создания крепких, связанных с массами коммунистических партий, боевых революционных партий нового типа. В этом деле Коминтерн достиг-за последние годы несомненных успехов. Компартия Китая за эти годы превратилась в мощный политический фактор и является признанным гегемоном китайских трудящихся в их борьбе за национальное и социальное освобождение. Образовалась компартия в Индии, создана компартия в Индо-Китае, прошедшая уже через серьезные испытания. Шесть новых компартий со времени VI конгресса возникли в странах Южной и Караибской Америки (в Сальвадоре, Панаме, Костаико, Перу. Венецуэле и Порторико). Оформились компартии на Формозе, на «Филиппинах и в других странах.

Острой и неотложной остается задача дальнейшей большевизации компартий и превращения их в подлинно массовые.

В связи с рос гоа компартий, ростом их влияния и в связи с успехами пролетариата в борьбе за гегемонию выступает новое явление — *наметившееся слияние двух потоков колониальной революции*, а именно антиимпериалистической и аграрной революции. В первом туре освободительных движений буржуазия всячески старалась удерживать антиимпериалистическую революцию в рамках

верхушечной национальной революции. Лишь гегемония пролетариата открывает иные перспективы пера колониальной революцией.

Говоря о наиболее важных новых явлениях в революционной освободительной борьбе трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран, мы должны остановиться на вопросе о советской форме этих движений. Лозунг советов не является уже чем-то новым в колониальных странах. Этот лозунг проникает в гущу трудящихся масс колониальных стран и овладевает массами. Советы существуют и побеждают в Китае, что дает огромный резонанс во всех колониальных и полуколониальных странах. Советы существовали в Индо-Китае. Под советским, знаменем шла борьба нескольких десятков тысяч вооруженных рабочих и крестьян в Индонезии. Советы существовали в Чили. Лозунг советов как лозунг практического, революционного действия выдвигался на Кубе. Перечисленных примеров достаточно, чтобы увидеть, как идея советов проникает в широчайшие массы трудящихся колониальных и полуколониальных стран.

* * *

Завоевание гегемонии пролетариатом предполагает самоотверженные выс *тупления рабочего класса*, которые должны играть роль главного средства для революционной раскачки масс и объединения их вокруг пролетариата. Статистика стачек по 17 странам за последние годы (см. Помещаему ниже таблицу)

свидетельствует о большом удельном весе с гачек в колониальных и полуколониальных странах, особенно в Китае и Индии, и о более массовом их характере даже по сравнению с капиталистически развитыми странами.

Число стачек и участников конфликтов по 17 странам за годы кризиса 1929 по 1933 г. (в тыс.)

(Лагам, Геряам, Фракция, Польша, Чежо-Сдоаакя, Ааетом, Бельгия. Воягарая, Шаейиарая, Венгрия, Даная, США, Канада, Катай, Яаоваа, Индия, Иная Зяляядвя)

Из приведенной таблицы мы видим, какой большой процент паяет на Китай и Индию. В 1929 г. 37% общего количества стачечников приходилось на эти две страны. В 1930 г. — 21%, в 1931 г. — 36%, в 1932 г. — 46,1%, т. е. почти половина общего количества стачечников пришлась на Китай и Индию. В 1433 г. удельный вес несколько снизился, но все же он составил 35,3%.

Необходимо указать на массовый характер стачек в Китае и Индии. Так, в 1929 г. лишь 5% общего количества стачек приходится на Китай, но они охватывают 22% участников стачечного движения 17 стран. На Индию в 1929 г. падает 2% в стачек и 15% участников. Это соотношение мы наблюдаем и в последующие годы.

За последние годы произошли крупнейшие стачечные бои и в Индии и в Китае. Достаточно

напомнить всеобщую стачку текстильщиков в Бомбее в 1928 г., охватившую 150 тыс. рабочих и продолжавшуюся 6 месяцев Стачки джутовых рабочих в Калькутте в августе 1929 г. в общей сложности охватили 270 тыс. рабочих. Во второй всеобщей стачке в Бомбее в 1929 г. участвовало 110 тыс. рабочих, и она продолжалась около полугола. В 1934 г. всеобщая стачка текстильщиков в Бомбее охватывает не меньше 130 тыс. рабочих, причем индийская пресса констатирует исключительную активность и боевой дух бастующих.

Китай также может служить примером мощного пол'ема стачечной волны. Здесь стачечное движение играло и продолжает играть исключительно важную роль в развертывании общенародной революционно освободительной борьбы Известна роль стачек в Гонконге в 1922 г., на Пекин-Ханькоуской ж. д. в 1923 г., в Шанхае и Гонконге в 1925—1926 гг. Эти стачки придавали силу и поднимали все национально-освободительное движение на более высокую ступень. Эту же роль стачки китайского пролетариата продолжали выполнять и в последние годы Напомним хотя бы такие выступления китайского пролетариата, как всеобщую стачку мукденских и аньдунских рабочих в ответ на оккупацию Манчжурии или всеобщую стачку рабочих японских предприятий в Шанхае во время японской интервенции. Но кроме этих крупнейших стачечных боев в Китае за последние годы неоднократно проходили всеобщие стачки шелковиков, горняков, крупные стачки

текстильщиков, железнодорожников, табачников и т. д.

Рост стачечного движения за последние годы мы наблюдаем и в Корее, и в Южноафриканском союзе, и в странах Южной и Караибской Америки, и в других колониальных и полуколониальных странах. Конечно, эти страны меньше по своему масштабу, там невелика и общая численность пролетариата, но и там стачечное движение приобретает с каждым годом все больший размах. Так, в Корее, где раньше ежегодно бастовало от 3 до 5 тыс., в 1929 г. участвовало в стачках 19 тыс. рабочих, а 1930 г. — 15 тыс., в 1931 г. — 27 тыс., в 1932 г. — 16 тыс., в 1933 г. — 14 300 рабочих. Если учесть, что в Корее примерно всего около 100 тыс. промышленных рабочих, то получается, что за последние годы в среднем от одной пятой до одной четвертой всего количества рабочих вовлечено в стачечную борьбу.

Громадный рост стачечной борьбы охватил также и страны Южной и Караибской Америки. Крупные бои в 1932 г. прокатились в Бразилии. На Кубе мощное стачечное движение в июне—июле 1933 г. переросло во всеобщую политическую стачку, завершившуюся вооруженной борьбой против диктатуры Мачадо. В 1934 г. в этой же стране свыше 250 тыс. рабочих приняло участие во всеобщей стачке против правительства Мендиетты.

Приведенных примеров достаточно, чтобы прийти к выводу о том, что этот рост стачечной борьбы, эти

героические выступления колониального пролетариата являются выдающейся важности событиями не только для колониальных и полуколониальных стран, но и в истории международного рабочего движения они представляют собой далеко незаурядные явления. Эти выступления способствуют росту классового самосознания пролетариата, ускоряют организацию его рядов и подтверждают наличие в колониальных и полуколониальных странах революционного класса, способного вести за собой трудящиеся массы.

Было бы, конечно, неверно, если бы мы этот размах стачечной борьбы приписывали исключительно роли коммунистических партий. Не следует преуменьшать слабости революционного профдвижения и существующие трудности, которые стоят перед коммунистическими партиями в организации сил и борьбы колониального пролетариата. Достаточно учесть некоторые типичные черты рабочего класса колониальных и полуколониальных стран. Они сказываются прежде всего на его составе. Там по преимуществу преобладает женский и детский труд, труднее поддающийся организации. Система оплаты рабочих черта подрядчиков и так называемыми бонусами — наградными — сохраняет еще много черт патриархальщины. Колониальный пролетариат сравнительно молод: очень большая прослойка среди рабочих — это недавно разорившиеся крестьяне и кустари, не разделавшиеся еще окончательно с мелкособственнической идеологией. Большим влиянием пользуются еще национал-реформисты.

Сказываются малограмотность большинства рабочих, многоязычие и другие моменты, затрудняющие организацию колониального пролетариата. Во всех этих странах вовсе отсутствуют либо чрезвычайно слабы профсоюзы. Рабочему классу, лишенному этих организаций, приходится вести борьбу при полном отсутствии стачечных фондов, в условиях массовой безработицы, в условиях, когда угроза получения расчета сулит перспективу голодной смерти. Но бесчеловечная эксплуатация, которой подвергается рабочий класс этих стран, вызывает растущее сопротивление пролетариата и толкает его на все более решительную борьбу.

Отсюда понятно, какое исключительное значение приобретает в этих странах вопрос о едином фронте, какую важность имеет работа коммунистов во всех массовых рабочих организациях, насколько актуальна задача использования легальных и полуполигальных возможностей и насколько необходима упорная и систематическая борьба коммунистов за самостоятельное возглавление и организацию стачек и всемерное укрепление революционного профдвижения.

Таковы общие условия, в которых коммунистическим партиям колониальных и полуколониальных стран приходится вести борьбу за организацию пролетарских рядов.

Теперь коротко остановимся на опыте *крестьянского движения* колониальных и

полуколониальных стран. Что нового в этой области мы наблюдаем за последние годы? Во-первых, нужно отметить *громадный размах* крестьянского движения в колониальных и полуколониальных странах. Нет сейчас ни одной страны, которая не была бы захвачена аграрными конфликтами.

Приведем несколько примеров. Возьмем Корею. Раньше в среднем ежегодно в корейской деревне происходило до 30 конфликтов, а в 1932 г. вспыхнуло около 600 крестьянских конфликтов, в течение же 1933 г. в корейской деревне имели место 724 выступления. В 1930 г. свыше 3 тыс. крестьян выступило под руководством коммунистов в уезде Данчен, в результате чего 40 человек было убито и около 2 тыс. арестовано. В 1931 г. произошли серьезные волнения нескольких тысяч крестьян против налогов и повышения арендной платы в уездах Хончуэн и Менчэн. В конце 1931 и в начале 1932 гг. выступило почти все крестьянство под руководством коммунистов уезда Енхин. Число крестьянских конфликтов растет из году в год и в других странах. В Персии, по данным персидских газет, с 1928 г. по 1933 г. включительно, помимо более крупных выступлений, произошло 98 вспышек так называемого «аграрного бандитизма».

Второе новое явление — *это переход от низших, пассивных форм как тивно наступательным формам борьбы*. Вооруженные схватки становятся все более частым явлением в колониальной деревне. Так, в 17 странах негритянской Африки с 1928 г. по первые

месяцы 1934 г. произошло 86 вооруженных выступлений крестьян:

Южно-Африканский союз:6; Нигерия: 6; Рио де-Оро: 1; Франц. Западная Африка: 19; Фернандо-По: 1; Порт Гвинея: 2; Золотой берег: 15; Франц. Экваториальная Африка:5; Французский Камерун: 4; Конго:13; Кения: 7; Руанда: 1; Либерия:1; Северная Родезия:1; Юго-зап. Африка:1; Французское Того: 1; Сиера Леоне: 1.

Конечно, эти вооруженные выступления негритянского крестьянства были разной силы, разной продолжительности и носили далеко не однородный характер. Поводом для выступлений служили отчуждение земли, возросшее бремя налогов, принудительный труд, террор и гнет империалистов и т. д. Примечательно, что в 46 случаях сил полиции и местных гарнизонов оказалось недостаточно для подавления этих вооруженных выступлений. В 46 случаях империалистам пришлось прибегнуть к авиации, к высадке десантов морской пехоты, к переброске крупных войсковых частей, а в 4 случаях пришлось открыть совместные действия британских, французских и бельгийских частей.

Переход к активным вооруженным формам борьбы имел место в эти годы и в Индо-Китае, примером чего могут служить известные события 1930—1931 гг.

Можно было бы привести немало подобных примеров, свидетельствующих о нарастании активных форм крестьянской борьбы.

Как новое и весьма важное явление можно отметить *приобщение национальных меньшинств* и угнетенных племен к аграрно-крестьянскому движению. В Китае, в провинциях Гуанси и Гуйчжоу, не китайские племена начали принимать участие в общекрестьянской борьбе. То же мы наблюдаем в Индо-Китае. В Персии за последние годы произошли восстания белуджистанских племен, арабского племени «бени гуруф», племени «касар», луров, курдских племен и т. д. Конечно, в известных случаях эти выступления не носят революционного характера и инспирируются империалистами и их агентами. Но значительная часть выступлений национальных меньшинств, несомненно, прямо отражает влияние и служил дополнительным симптомом нарастающей аграрной и антиимпериалистической революции в колониальных и полуколониальных странах.

Надо подчеркнуть *влияние* нарастающей аграрной и антиимпериалистической революции *на армию*, на солдатскую массу в первую очередь. Известны довольно многочисленные случаи перехода нанкинских гоминдановских частей на сторону красной армии Китая; известны также отдельные случаи перехода манчжурских частей на сторону партизан. Такие факты имели место не только в Китае. В Индо-Китае именно восстание целого гарнизона придало мощный размах и, в известной мере, общенародный характер революционно-освободительной борьбе, способствовало под'ему всего движения на более высокую ступень, создав для него вооруженную опору. В Индонезии в феврале

1933 г. восставшие туземные и европейские моряки захватили броненосец «Де севен провинсиен». В странах Южной и Караибской Америки произошли восстание 5-го полка в Перу, военные восстания на севере Бразилии, революционные выступления в парагвайской и боливийской армиях, революционные волнения в отдельных аргентинских частях; имел место целый ряд отказов сальвадорских солдат от участия в подавлении батрацко-крестьянского восстания в январе 1932 г.; в 1931 г. вспыхнуло известное восстание всего чилийского флота; революционное движение охватило и армию Кубы, где солдатам удалось после свержения Мачадо выбросить ненавистных им офицеров.

Нельзя недооценивать революционное значение всех этих событий. Все эти факты достаточно красноречиво говорят о том, что революционный подъем начал расшатывать вооруженную опору господствующих классов; они говорят о благоприятных возможностях для работы коммунистического авангарда колониального пролетариата в солдатской массе по завоеванию ее на свою сторону.

Последнее обстоятельство, на котором мы хотели бы остановить внимание, заключается в том, что крестьянская борьба продолжает сохранять по преимуществу неорганизованный, стихийный характер. Наибольшие успехи в организации под пролетарской гегемонией крестьянской борьбы имеются в Китае. Китайский опыт представляет для

нас интерес, поскольку он показывает перерастание от низших к высшим формам крестьянской борьбы и доказывает возможность прямого привлечения трудовых крестьянских масс под коммунистическое руководство, возможность для коммунистов организации вооруженного революционного крестьянского движения и координирования его с борьбой пролетариата.

Подведем теперь некоторые итоги тому, что мы говорили о крестьянском движении в колониальных и полуколониальных странах. Создаются условия для постепенного преодоления неравномерности движения, отставания крестьянского движения от революционной борьбы пролетариата. Намечился переход от пассивных и низших к активно наступательным, высшим формам борьбы. Сохраняется по преимуществу стихийный характер крестьянского движения, и в большинстве стран пролетарские организации делают лишь первые попытки установления связи с ним. Однако бесспорно, что идейное и организационное влияние пролетариата на колониальное крестьянство будет усиливаться, поскольку все ббльшие массы крестьян колониальных и полуколониальных стран пробуждаются к борьбе и логика этой борьбы толкает их на союз с организованным пролетариатом. Задача заключается в том, чтобы коммунисты в этих странах целиком использовали создавшуюся обстановку.

Гегемония пролетариата в колониальной революции требует самого энергичного включения

рабочего класса как руководящей силы в антиимпериалистическую борьбу. Пролетариат колониальных стран должен показать трудящимся массам, что он ведет самую энергичную, самую самоотверженную, самую упорную и последовательную борьбу против империализма — этого главного врага поработанных народов колониальных и полуколониальных стран.

В этой связи мы укажем на опыт борьбы китайских и индийских коммунистов. В Индии наши коммунистические группы и отдельные коммунисты, страдая в недалеком прошлом сектантским уклоном, самоустранялись от антиимпериалистической борьбы и предоставляли тем самым руководство антиимпериалистическим движением буржуазному Национальному конгрессу. В Китае же коммунистическая партия стремилась использовать каждый конфликт, каждый акт насилия империалистов, каждое антиимпериалистическое выступление масс для расширения антиимпериалистической борьбы под руководством компартии. Этим активным участием в антиимпериалистическом движении несмотря на отдельные промахи и слабости коммунистическая партия Китая сумела завоевать руководящие позиции в общенародной антиимпериалистической борьбе и превратиться в мощный политический фактор, опирающийся на крепкое советское государство, ведущее по советскому пути народы Китая к полному национальному и социальному освобождению.

В борьбе за возглавление и дальнейшее усиление антиимпериалистического движения коммунистические партии колониальных стран должны парализовать влияние национал-реформизма, дезорганизуя революционную борьбу масс. Не завоевав на свою сторону масс, еще идущих за национал-реформистами, коммунистические партии не могут достичь решающих успехов в борьбе с империалистическими угнетателями. Возможности для завоевания масс на свою сторону у коммунистов сейчас выросли. Национал-реформизм переживает сейчас серьезный кризис и оказывается как бы между молотом и наковальней. С одной стороны, в условиях возросшей империалистической агрессии усиливается нажим империалистов на национал-реформизм, все более настойчиво предъявляются требования полной его капитуляции перед иностранным капиталом. С другой стороны, в этих странах все более мощный размах приобретает борьба трудящихся масс против империализма.

Однако это не означает утрату национал-реформизмом маневроспособности. Чтобы прикрыть серую капитулянтскую практику и, с другой стороны, под давлением растущего массового движения, национал-реформизм пускается на различные маневры. К числу последних нужно отнести, например, декларацию «Сарикат Ислама» в Индонезии об отстаивании им якобы социалистического пути развития и о желательности насаждения колхозов (правда, с помощью японского капитала!).

Почти во всех странах на смену скомпрометированным официальным организациям национал-реформистов создаются новые, якобы социалистические организации как называемых «левых» национал-реформистов.

Гегемония пролетариата в колониальной революции не может быть завоевана без разоблачения всех маневров национал-реформизма. Особенно нужно предвидеть предательское поведение национал-реформистов в условиях большой войны, возможность спекуляции отдельных национал-реформистских групп на военных осложнениях. Всем памятен опыт империалистической войны 1914 г., когда большую помощь империалистам оказали национал-реформисты. Они облегчили империалистам возможность использования колоний как источника необходимого сырья для военных нужд, как дополнительную базу для легкой промышленности, как поставщика солдатской массы и вспомогательной рабочей силы для военно-промышленных и саперных работ. Во время войны 14 года и в Индии, и в Южноафриканском союзе, и в арабских странах национал-реформисты заняли позицию гражданского мира для защиты «своей» империи. Сейчас, когда нависла угроза новой войны, национал-реформисты активно участвуют в идеологической подготовке антисоветской интервенции. Они ведут клеветнические кампании против Советского союза. Они распространяют всякие вымыслы о «красном империализме», о преследованиях национальных меньшинств, о

притеснении мусульман, о подавлении религии, о принудительном браке и т. д., причем их кампании совпадают с каким-нибудь обострением отношений между Советским союзом и империалистическим миром и с теми кампаниями, которые ведутся на столбцах буржуазной прессы против страны диктатуры пролетариата. Так они стараются оказать посильную помощь империалистам в обработке общественного мнения в подготовке к войне против Советского союза. Перед коммунистами колониальных стран стоит серьезнейшая задача — разоблачать всю политику и деятельность национал-реформистов, связанные с угрозой войны, разоблачать все их клеветнические выпады против Советского союза.

Мы уже говорили о довольно многочисленных национальных меньшинствах в колониальных и полуколониальных странах и о необходимости вовлечения их в общий фронт антиимпериалистической борьбы.

Гегемония пролетариата в колониальной революции требует также установления правильной тактики по отношению к городской мелкой буржуазии для использования и направления недовольства разоряющихся широких слоев городской мелкой буржуазии в русло руководимой пролетариатом антиимпериалистической и аграрной революции.

* * *

Но коммунистические партии в колониальных и полуколониальных странах не смогут сыграть своей исторически важной роли, если они окажутся не в состоянии осмыслить основные процессы, происходящие в своих странах, правильно анализировать конкретные особенности развития своих стран, разработать применительно к условиям своих стран лозунги и требования, отвечающие назревшей айсел вительности, если они в борьбе на два фронта не будут отстаивать классовую чистоту своей линии и последовательное претворение ее в жизнь. Первостепенное значение имеет правильное представление об аграрных отношениях и об особенностях капиталистического развития колониальных и полуколониальных стран.

О том, что в годы империалистического господства в колониальных и полуколониальных странах шло развитие капитализма, спору не может быть. Там разрушался старый, отсталый общественно-экономический уклад, росли товарно-денежные отношения, росла товарность сельского хозяйства, его специализация, создавались целые районы технических культур, возникала и развивалась, хотя и медленно, местная промышленность, выросли такие центры, как Шанхай, Бомбей, Калькутта, Ухань и т. д. Вопрос заключается в определении особенностей капиталистического развития в этих странах.

Колонии были и являются придатком империалистической метрополии. Все свое влияние монополистический капитал использовал для того,

чтобы сохранить колонии на положении аграрно-сырьевого придатка. А это положение колоний создавало целый ряд особенностей капиталистического развития этих стран. Развитие товарно-денежных отношений служило на пользу главным образом промышленному развитию метрополий. Быстрый рост производительных сил на почве разрушения натурального хозяйства в колониях происходил не столько в самых колониях, сколько опять-таки в метрополиях. Складывающийся рынок в колониях являлся не столько рынком для туземной промышленности, сколько рынком для иностранного капитала. Происходила громадная утечка капиталов в виде колониальной дани, оплодотворившей хозяйство метрополий.

Процесс товаризации в колониальных и полуколониальных странах приобретал форму односторонней специализации сельского хозяйства. В этих странах происходила задержка в развитии промышленности, и эта заторможенная в своем развитии промышленность не-была, конечно, в состоянии дать работу разоряющимся крестьянам, кустарям и т. д. Замедленное развитие промышленности приводило к задержке вытеснения торгово-ростовщического капитала, продолжающего играть огромную роль в эксплуатации непосредственных производителей.

Маркс и Ленин указывали на обезлюдение деревни как на толчок к развитию и применению техники в сельском хозяйстве. В колониальных же и

полуколониальных странах, где быстрому, стремительному процессу пауперизации не соответствует рост промышленности, характерны огромные относительное перенаселение. острейшая земельная геснога, дробное землепользование, характерны условия, при которых помещикам и кулакам менее выгодно строить свое хозяйство на чистого капиталистический лад, менее выгодно прибегать к найму рабочей силы и применять машинную технику, а значительно выгоднее сдавать мелкими, карликовыми участками свои земельные владения в аренду и подвергать чудовищной эксплуатации крестьянские массы.

Все эти особенности капиталистического развития не могут не накладывать соответствующего отпечатка на процесс классовой дифференциации, сопровождающей капиталистическое развитие.

Более подробно нужно остановиться на вопросе о земле. В этом отношении небезынтересно эволюцию колониальной экономики сопоставить с развитием капитализма в России. Анализируя пореформенную экономику дореволюционной России, устанавливая направление экономической эволюции, Ленин подчеркивал уменьшение дворянского землевладения (с 73 млн десятин в 1877 г. до 53 млн. десятин в 1905 г.) и указывал на линию развития капиталистического земледелия, заключающуюся в превращении мелких по площади хозяйств в крупные по производству. Две тенденции, направленные к ликвидации феодальных отношений и характеризовавшие борьбу

общественно-политических сил в России, получили у Ленина наименование «прусского» и «американского» путей развития. Как обстоит дело в колониях и полуколониях? Мм подробнее задержится на этом вопросе, ибо это послужит ключом к пониманию основных особенностей капиталистического развития колониальных и полуколониальных стран.

Начнем с вопроса о землевладении в Коре е . Посевная площадь, находящаяся в руках помещиков, увеличилась с 2377 тыс. те в 1928 г. до 2515 тыс. те в 1932 г. Помещики, владевшие в 1928*г. 54.1% посевной площади, сейчас владеют 56.4%. В то же время соответственно увеличилось количество арендаторов, безземельных крестьян с 1191 тыс. дворов в 1926 г. До 1 393 424 дворов в 1931 г. Поднялся их удельный вес. В 1926 г. они составляли 43.3%, а в 1931 г. уже 48.4% к общему количеству дворов.

Возьмем данные о землевладении в *Египте*. (1).

Группы маденяй (акрах)							Средни плоишь	
	1906	1932	%	1906	1932	%	1906	1932
До 5	1005705	2111316	109	1264034	1764434	39,6	1,26	0,83
От 5 до 10	77660	84627	9	72094	72094	5,1	7,01	0,75
От 10 до 30	49365	52318	8	827811	827811	3,2	16,3	15,8
От 30 до 50	8601	9427	9	361387	361387	9,0	38,5	38,3
Свыше 50	12475	12942	0,1	2290617	2290617	2,8	189	183

Если присмотреться к кривой помещичьего землевладения в Египте, то она одно время шла книзу, затем поднималась, но за последние 27 лет, как это видно из вышеприведенной таблицы, по существу сколько-нибудь больших изменений с земельной площадью, находящейся в руках крупных помещиков, не произошло. Если к площади владельцев свыше 50 акров прибавить 500 тыс. акров церковных и династических земель и 400 тыс. акров обрабатываемых и сдаваемых в аренду государственных земель, то около половины всего земельного фонда падает на долю феодально-помещичьего землевладения. Однако, если не произошло существенных изменений с крупным помещичьим землевладением, то за эти же 27 лет значительно выросли поместья мелких и средних помещиков, выросли кулацкие земли. В то же время происходит резкая парцелляция мелкокрестьянской собственности. Число бедняцких владений возросло больше чем вдвое, и средний размер земельной площади этого хозяйства сократился с 1,26 до 0,83 акра.

О стремительном процессе парцелляции землевладения в Египте сообщает интересные данные «Эжипшиен газет» (13 апреля 1934 г.):

«Следующие цифры характеризуют пауперизацию египетского крестьянства. Парцеллярные собственники, имеющие меньше 5 акров, составляли в

1894 г. 77,6% общего числа египетских земельных собственников, в 1914 г. — 90,6%; в 1932 г. — 93%. В 1894 г. пол мелкими парцеллами (до 5 акров) находилось 19,8% всех земель, в 1932 г.—30,3%».

Так идет в колониальных и полуколониальных странах процесс обезземеления крестьян и параллельно с этим процесс роста паразитического помещичьего землевладения. И ни для кого не секрет, что в этих колониальных и полуколониальных странах помещики преимущественно сами своего хозяйства не ведут и принадлежащие им земли сдают небольшими участками в аренду на кабальных условиях.

В связи с этим небезынтересно остановиться на вопросе о землевладении в Японии, где аграрные отношения имеют много сходного с положением в колониальных и полуколониальных странах. Площадь помещичьей земли в Японии за последние 50 лет, т.е. за годы как раз быстрого капиталистического развития, увеличилась с 36 до 46% по отношению ко всей обрабатываемой площади. За эти же годы кабальная аренда — полукрепостническая эксплуатация — не только распространилась на новые слои крестьянства, но и приняла более тяжелые формы. Так, если принять ставку арендной платы в 1886 г. за 100, то в 1909—1913 гг. она равнялась 113, а в 1917—1921 гг. она достигла 117.

По официальной японской статистике получается, что в последние четверть века число мелких помещиков и кулаков (от 10 до 16 га) увеличилось на

16%, число помещиков, владеющих свыше 50 га, увеличилось на 40%. Все остальные группы собственников численно уменьшились, за исключением самой низшей (группа владеющих в среднем по 1/5 га), которая увеличилась на 11%. Таким образом и здесь происходит быстрая концентрация земли в руках крупных помещиков и отчасти кулаков за счет экспроприации мелких и средних собственников. И здесь не прекращается процесс дробления землевладельческих участков до таких мелких размеров, что прокормиться на них становится невозможным.

Этот рост помещичьего землевладения, происходящий наряду с капиталистическим развитием, характерен и для Индии и для стран Южной и Караибской Америки. Так, в Мексике 90% всей частновладельческой земли принадлежит помещикам и иностранному финансовому капиталу. В Аргентине, в этой наиболее развитой в Южной и Караибской Америке стране, почти 95% всей обрабатываемой земли находится в руках помещиков и иностранного капитала.

Коротко остановимся еще на землевладении в Индонезии. С одной стороны, мы наблюдаем там резкое сокращение числа деревень с общинным землевладением. В 1882 г. их было 23 600, а в 1927 г. — 11 тыс. Возрастает денежная часть крестьянского бюджета. В 1901 г. она составляла 48%, а в 1924 г. уже 56%. Все это, несомненно, является показателем капиталистического развития. Но и здесь, в

Индонезии, разрушение натурального хозяйства, развил не капиталистических отношений сочетаются и переплетаются с усилением полуфеодальных методов эксплуатации. Мобилизация земли в руках помещичьих и торгово-ростовщических элементов, как правило, не сопровождается организацией более крупного капиталистического хозяйства, а большей частью служит источником усиленной эксплуатации в докапиталистических формах обезземеленного и малоземельного крестьянства. До какой степени доходит раздробленность крестьянского землепользования, видно уже по тому, что арендуемые 18 млн. участков составляют общей площадью 6 млн. га, т. е. что средний размер арендуемого участка не превышает 1/3 га. Как видим, и здесь груз докапиталистических пережитков становится все более тяжелым, и здесь помещики пожирают остатки крестьянского землевладения, и здесь в тяжелейших для масс формах идет капиталистическое развитие колониального типа.

Рассмотрение вопроса о землевладении в колониальных и полуколониальных странах нет необходимости дополнять материалами о Китае. В ряде работ, в частности Яо Син-нуня и Чэнь Хань-сэна, достаточно освещен процесс разорения, пауперизации, обезземеления китайских крестьян при одновременном росте помещичьего землевладения и полуфеодальной кабалы. В китайской гоминдановской деревне мы в свою очередь наблюдаем уменьшение размеров крестьянских дворов, сокращение рабочего скота и других средств

производства и т. д. Нужно лишь подчеркнуть, и это имеет отношение не только к Китаю, но и ко всем колониальным и полуколониальным странам, что мировой экономический кризис не изменил отмеченного нами направления развития колониальной экономики, а лишь гигантски и катастрофически ускорил все эти процессы.

* * *

Богатейший опыт китайской советской революции позволяет установить характерные особенности демократического этапа колониальной революции, наметить перспективы дальнейшего перерастания этой революции и правильно оценить все значение в этом деле гегемонии пролетариата. Правда, пока еще нет возможности на основе китайского опыта строить сколько-нибудь законченные обобщения. Нет таких возможностей, ибо китайская революция еще не выявила все свои творческие способности, она не могла еще полностью развернуть всю свою программу созидательных работ. Китайская советская революция охватывает пока еще часть страны и притом сравнительно отсталые районы, к тому же эти районы окончательно еще не стабилизировались и вся деятельность внутри них протекает в условиях непрерывной гражданской войны. Но целый ряд полезных уроков из китайского опыта можно извлечь уже сейчас.

По своему основному содержанию советская революция в Китае в настоящее время носит буржуазно-демократический характер. Китайские советы на деле подтвердили правильность ленинской установки Коминтерна на революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Но уже на этом, буржуазно-демократическом этапе китайская советская революция характеризуется наличием социалистических элементов, составляющих здесь специфическую особенность революционно-

демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Пролетарские черты в китайской революции сказываются уже в том, что пролетариат выступает как руководящая сила, как авангард движения. Далее, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в Китае: 1) является властью антиимпериалистической, 2) приобретает наиболее целесообразную советскую форму (опирающуюся на массовые организации и являющуюся демократией для трудящихся и суровой диктатурой по отношению к эксплуататорским классам), 3) характеризуется сосредоточением руководящей роли в правительстве и во всех массовых организациях в руках компартии, 4) располагает своими вооруженными силами в лице рабоче-крестьянской красной армии и 5) проводит наряду с основными демократическими мероприятиями некоторые мероприятия в зародышевой форме социалистического характера. К числу последних относятся: руководство предприятиями, находящимися в руках революционного государства; контроль над производством; государственные мероприятия по регулированию цен и организации вывоза и ввоза и снабжения населения предметами первой необходимости; проведение кампаний, направленных к поднятию сельскохозяйственного производства (посевная, уборочная кампании, кампания по оказанию помощи инвентарем и семенами); помощь и стимулирование кооперативного движения и т. д.

Означает ли сказанное выше, что в китайской революции стираются всякие грани между революционно-демократической диктатурой и социалистической диктатурой пролетариата? Нет, эти грани стирать нельзя, ибо в одном случае мы имеем диктатуру одного класса — пролетариата, а в другом случае — революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Руководство в правительстве и в общественных организациях принадежит китайским коммунистам, однако они должны исходить из того, что созрело в экономике и в сознании масс. Коммунисты действуют не в безвоздушном пространстве. Когда мы говорим, что коммунисты руководят там правительством, то нужно учитывать, что руководят они не в условиях диктатуры пролетариата, а в условиях революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. А это ставит их деятельность в соответствующие рамки.

С другой стороны, признаком пролетарской революции являются свержение буржуазии и строительство социализма; в то время как при буржуазнодемократической революции (что имеет место и в теперешнем Китае) капитализм остается как основа; применительно к китайским условиям основой остается мелкотоварное производство. Правда, развитию капитализма на базе этого мелкотоварного производства с самого начала противостоят экономические и политические позиции революционного государства, которое их использует и всемерно будет укреплять в интересах

некапиталистического развития. Однако революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в Китае не может ставить сразу же перед собой задачи вытеснения капитализма из всех пор общественных отношений.

Мы видим таким образом, что основные признаки буржуазно-демократической революции остаются в силе и для данного этапа советской революции в Китае. Но возможности, создаваемые фактом существования революционного советского государства, реализуемые на советских территориях в Китае, несомненно, облегчат весь последующий процесс перерастания революции в Китае в социалистический этап.

Благоприятные перспективы дальнейшего развития китайской революции складываются и по другим линиям. Уже на демократическом этапе китайской революции создаются при советах группы бедноты. Несомненно, что по мере дальнейшего развития революции будет возрастать организованность деревенской бедноты и все более тесной будет становиться ее связь с городским пролетариатом. Это имеет громадное значение в смысле перспектив последующего перерастания революции.

Таковы внутренние предпосылки перерастания китайской революции, такова роль гегемонии пролетариата не только в доведении до конца демократических задач революции, но и в обеспечении последующего продвижения к

социализму. Эти условия дополняются наличием исключительно благоприятного внешнего фактора в лице СССР и растущего международного пролетарского движения, так что перспективы развития китайской революции при правильной политике киткомпартии не могут вызвать сомнений. Это развитие китайской революции будет освещать перспективы революционно-освободительной борьбы грядущих масс остальных колониальных и полуколониальных стран.

